

Не Хуайсан не мог поверить в силу, проходящую через него. Воодушевленный, он дал волю своему воображению, стоя посреди талисмана Вэй-сюна и рисуя в воздухе. Его друг был прав. Потенциал и сила его новой кисти казались безграничными. Внутри его нижнего даньтяня золотое ядро пело, и ци текла по меридианам так, как никогда раньше.

Если это то, что чувствовали заклинатели, размахивая своими клинками, неудивительно, что они делали это с такой преданностью. Но он может творить, СОЗИДАТЬ своим совершенствованием.

Хуайсан подпрыгнул на месте от волнения, и его следующий удар не сработал. О, ну. У этого паука стало более счастливое выражение, чем у других. Хотя, отчасти, это делало его ещё страшнее.

— Иди на свободу, дитя моё. Убирайся, ты, восхитительный кошмар!

Арахнид шириной в три чи защебетал и побежал сквозь деревья, окружавшие только что возродившуюся деревню.

— Эй, Не-сюн, думаю, теперь у нас всё в порядке, — крикнул Вэй-сюн, стоя за границами талисмана.

Хуайсан моргнул, сбитый с толку тем, что его прервали:

— Но я только начал!

— Ты творишь уже несколько часов, — возразил его друг со снисходительным блеском в глазах. — Такими темпами у нас будет больше фальшивых пауков, чем мёртвых. Давай. Ты уже должен быть голоден, и Лань Чжань принёс еды из Цайи.

Хуайсан опустил руки, понимая, как сильно они болят от работы, которую он проделал. Он действительно совершенствовался несколько часов? Хихиканье вырвалось у него, когда он подпрыгнул к Вэй-сюну.

— Тебе это нравится, не так ли? — спросил Усянь, толкая его в плечо. — Когда ты собираешься рассказать своему брату?

Хуайсан вытащил свой любимый веер и постучал концом по подбородку.

— Я не знаю. Возможно, в его следующий день рождения? Он ни разу не оценил одежду или безделушки для волос, которые я ему дарю. Может быть, моё более сильное ядро порадует его?

Вэй Ин одобрительно кивнул.

— Позволишь мне тебя проверить? — спросил он, протягивая руку.

Немного нервничая, Хуайсан позволил своему другу взять его за запястье и обследовать меридианы и золотое ядро. Яркая улыбка расплылась по лицу Усяня.

— Ах, это здорово! Я полагал, что это поможет тебе развивать ядро, но не ожидал такого большого прогресса. Отличная работа, Не-сюн! Довольно скоро ты сможешь охотиться ночью, как любой другой заклинатель.

Эта идея чуть не повергла Хуайсана в отклонение ци. Внезапно развитие золотого ядра перестало быть таким привлекательным. Он прижал руки к груди, всё ещё сжимая ладонью кисть.

— Вэй-сюн, какая ужасная мысль. Не будь таким жестоким! Ты же знаешь, я не выношу вида крови.

— И напрягаться ради чего-то другого, кроме хорошенькой птички или идеального веера, это попытка, я знаю, — добавил его друг с буйным смехом. — Не волнуйся. Ты сохраняешь грустный, широко раскрытый взгляд, и ни у кого никогда не хватит духу настаивать на том, что ты изменился. — Он сделал паузу и постучал себя по носу. — Ну, кроме меня. Я слишком хорошо знаю этот трюк, чтобы попасться на него. — Черты его лица разгладились, и глаза стали большими и заблестели от непролитых слёз.

Хуайсан усмехнулся над его усилиями:

— Ах, это пустяки. Ты также должен выглядеть меньше.

— О, точно. Забыл эту часть. — Его друг прочистил горло и встряхнулся, прежде чем прийти в себя. — Я был экспертом в этом, когда жил на улицах Илина. Это помогало, когда мне было пять или шесть лет. Выпячивание нижней губы, и то, что она немного подрагивает, действительно привлекало внимание некоторых дам постарше. Конечно, большинству людей нравилось, когда я улыбался. Широко раскрытые глаза и яркая улыбка работали лучше всего. Страдания, казалось, заставляли людей чувствовать себя виноватыми, что заставляло их ощущать себя уязвимыми, и это приводило к гневу. Люди лучше реагировали на счастье. Это заставляло их чувствовать себя хорошо, что приводило к благожелательности. С другой стороны, иногда ничего не получалось.

Какая бы игривая шутка ни вертелась у Хуайсана на кончике языка, она скользнула ему в горло и чуть не задушила его. Он не мог представить себе жизнь, описанную его дорогим другом.

— О, Вэй-сюн, как ужасно. Твоя жизнь была такой тяжелой. — Он прижался головой к плечу Усяня и заскулил.

Вэй-сюн, весёлый, щедрый, добрый, гениальный, погладил его по волосам:

— Ну, ну, не плачь, А-Сан. Теперь жизнь стала лучше.

Хуайсан прижался к нему, когда они возвращались в деревню, молча поклявшись себе, сделать всё необходимое, чтобы его лучший друг был в безопасности, даже если это означало научиться ночной охоте.

Вэнь Цин просмотрела расписание, которое она и четвёртый дядюшка составили с помощью бабушки. Она прислонилась к изголовью своей кровати в Безночном городе и нахмурилась, глядя на зачарованную бумагу. Свет от её фонаря мерцал над именами, которые никто другой не мог прочитать. Если всё пойдет гладко, большая часть их семьи будет в своих новых домах к концу двух лет. Любое движение быстрее привлекло бы нежелательное внимание.

Они решили, что самые уязвимые пойдут первыми. Никто и глазом не моргнёт, если несколько старейшин скончаются. Тем временем, некоторые из более молодых семей должны были уехать следующими. Две женщины вышли замуж за членов своего клана, так что визит к их дальним родственникам не был бы чем-то необычным. Небольшая группа из них уже была странствующими торговцами, которые привозили свои скудные товары, такие как лекарства и кремы для ухода за кожей, для продажи на фестивалях и рынках в других городах. Если никто из этих людей не вернулся из своих поездок, ну, кто мог сказать, что с ними случилось?

Мэн Ши и Сиси уже уехали неделю назад, забрав с собой нескольких сирот и юного двоюродного брата Вэнь Цин, который потерял ногу в результате несчастного случая при восхождении год назад. Мальчик всё ещё боролся со своими физическими ограничениями, и она подумала, что вытащить его из суровой местности горы Дафань могло бы помочь. Его родители, двое братьев и сестра поехали с ним, все младшие ютились под навесом фургона, заполненного пустыми ящиками.

А-Нин и А-Ян отправились с ними, чтобы показать дорогу.

Страх за брата, находящегося так далеко от неё, почти парализовал Вэнь Цин. Тем не менее, у них не было особого выбора. Как бы она ни хотела пойти с ними, Вэнь Жохань снова призвал её, и она не могла отказаться.

После очередного семейного ужина со своим дядей, Вэнь Сюем с его новой невестой и Вэнь Чао с его наречённой, а также мужчиной, которого она не узнала, Вэнь Цин пожалела, что у неё не было более безжалостного сердца. Такого, которое не цеплялось бы за её обет целителя.

Чжао Чжулю, так звали нового человека рядом с её дядей. У него были бесстрастные, послушные манеры, как у опасного пса у ног своего хозяина. Как обычно, совершенствование скрывало его возраст, хотя её медицинское образование позволяло ей предположить, что

господину Чжао больше двадцати пяти лет от роду.

К сожалению, Вэнь Жохань настоял, чтобы он сидел рядом с ней и весь вечер наблюдал за ними, прищурившись, с расчётливым выражением лица, поощряя их разговор. Вэнь Цин чуть не подавилась супом, когда поняла, в чём был план её дяди.

О, она не хотела выходить замуж за этого человека. Ни за что! На самом деле, она не хотела выходить замуж ни за кого. Поэтому она держалась вежливо, но сдержанно, и была рада, что он делал то же самое. А когда её дядя поделился сведениями об особом таланте Вэнь Чжулю, это только укрепило решимость Вэнь Цин. Любой, кто добровольно разрушал самосовершенствование другого человека, шёл прямо против её морального и этического кодекса. От одной мысли о подобном поступке, у неё по спине бежали мурашки.

Конечно, Вэнь Чао наслаждался жестокостью всего этого. Его чёрствая, эгоистичная натура проявилась в уродливом изгибе его губ и напряжении его мерзких глаз, когда он назвал несколько человек, о которых он хотел, чтобы Вэнь Чжулю позаботился.

С другой стороны, Вэнь Сюй нахмурился: одобрял он или не одобрял?

Её дальний родственник всегда озадачивал её. У него был потенциал стать хорошим лидером Ордена, с более щедрым и терпеливым подходом, чем у его отца, но Вэнь Жохань, казалось, был полон решимости подавить в нём такие черты. Её дядя хотел, чтобы его наследник был похож на него, движимого жаждой власти и стремящегося к превосходству над остальными заклинателями.

Её бабушка всегда говорила, что Вэнь Жохань был другим до того, как его жена умерла. Когда госпожа Вэнь скончалась, он стал более холодным, более готовым реагировать быстрой и жестокой рукой. Он обратился к куртизанкам за физическим утешением, что привело к рождению Вэнь Чао, которого он узаконил и взял в свой дом в возрасте восьми лет, чтобы научить его совершенствованию.

Вэнь Жохань требовал полной лояльности, но был добр к ней и А-Нину, когда они были моложе — до смерти их родителей.

Никто никогда не объяснял Вэнь Цин, почему её дядя убил их, но она никогда не забывала этого, даже когда он поддерживал её образование и давал ей средства расти в своём ремесле. Всё это время она понимала, что он ожидал возврата своих инвестиций. Она была семьей и имела привилегированное положение лишь до тех пор, пока оставалась рядом с ним.

Желудок скрутило от этих мыслей. Даже если бы им удалось увезти её семью в безопасное место, сама Вэнь Цин не смогла бы исчезнуть так легко. Закрыв глаза, она откинула голову на подушку и прижала бумагу к сердцу. Она могла жить с любым будущим, которое уготовила ей судьба, пока её семья была в безопасности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/120105/5041372>